

Встр. Москва. - 1995. - 7 окт. - с 4

Олег ГАЗМАНОВ:

500 лет обожания

Ничего от рокового мужчины, ни какого сходства с сердцеедом. Но уму непостижимо, что он делает с женскими чувствительными сердцами, выходя на сцену! То тая, то заходясь в восторге, то просто-таки погибая от любви, все они, как есть до единой, рвутся к нему.

— **Олег, не счесть девушек и дам, для которых вы — кумир. Ну а вы-то как сами относитесь к женщинам?**

— Для меня женщина — это предмет обожания. Чтобы это осознать, мне потребовалось примерно лет пятьсот (дело в том, что я веду свое летосчисление по сумме накопленных впечатлений). Должен признаться: я — рыцарь. С рыцарскими идеалами, с рыцарским взглядом на женщин.

Ужасно не люблю женских движений за какие-то права. Да возьмите вы все эти права, Господи, только оставьте женщинами! Несмотря на феминизм, суфражизм и прочую эмансипацию, вы по сравнению с мужчинами более слабые, более чуткие, более ранимые, более красивые. По своей природе женщина олицетворяет продолжение рода, является хранительницей очага. С ума сойти, как ее такую хочется обожать!

— **Даже какую-нибудь... рыжую?**

— Не важно, какая она, обожаемая — рыжая, светловолосая или серо-буро-малиновая. По-моему, если любишь человека, то любишь со всеми его недостатками: «Все — идеал!».

— **А все же, какие вам нравятся женщины?**

— Вообще-то мне нравятся красивые женщины. В полном смысле этого слова. Я даже выработал некоторые правила, чтобы раньше времени не очаровываться. Например, такое правило: «Подожди, когда она заговорит!». Часто бывает так: сидит девушка, молчит (прелесть, как хороша!), а как скажет пару слов, хоть стой, хоть падай...

— **И много у вас таких правил?**

— Столько, что можно составить целую книгу.

— **Но все это для мужчин. А для женщин?**

— Над женскими правилами я пока еще не думал, потому что все время размышлял над организацией собственной жизни. Но обещаю подумать и когда-нибудь дать полезные советы представительницам прекрасного пола. Только боюсь, что мужчины могут меня за это побить.

— **Вы сказали, что любите красивых, и мне жалко стало тех, кто так себе, ничего особенного...**

— Я считаю, что если женщина, которой за двадцать пять, не сумела сделать себя красивой, обаятельной, то она уже вряд ли сможет стать для кого-то идеалом. А ведь тут нужна сила воли и внутренняя организация: вкус, чувство меры, физическая подтянутость.

— **Большинству из вас, мужчин, нелегко свыкнуться с мыслью, что вчерашняя королева, единственный и неповторимый предмет обожания, всю оставшуюся жизнь будет маячить перед глазами неуклюжим бегемотом, заспанной клячей или неряшливой хрюней... И тогда большинство прерывает печальную связь, стремится к чему-то новому.**

— Мужчины бьют разные... Но надо по крайней мере подходить друг другу по энергетике. Я никогда не сижу на месте. Все время в движении. Мне нужен человек, который тоже удивляется жизни, все

время двигается, не отстает, что-то ищет, не впадает в спячку. При этом женщина должна быть чуткой, должна духовно, то есть душой, все быстро понимать и хорошо ориентироваться в наших отношениях, сочувствовать моему настроению. Но ни в коем случае под меня не подстраиваться! Я этого не люблю. Мне хочется самому идти навстречу любимой женщине. Я ведь рыцарь, я — охотник, я — добытчик, я — защитник детей и своего предмета обожания. Я действительно предпочитаю быть настоящим мужчиной.

— **Завтра, я уверена, у ваших дверей появятся толпы невест.**

— Как-то одна юная журналисточка у меня спрашивает: «Сколько у вас было женщин? И кто они та-

кие?». Я говорю: «Вы серьезно думаете, что я сейчас буду обо всем этом говорить?». Она мне: «Но что тут такого? Все же говорят!». Я стал ей объяснять, что мужчина — это не тот, кто на каждом шагу болтает о своих любовных похождениях и победах. Настоящий мужчина больше молчит. И больше делает. Она так и не поняла.

Когда я пою «Моя любовь! Разбиты зеркала...», многие девушки плачут. Не скрою, меня это страшно трогает. Я чувствую, что могу и буду писать про любовь. И ведь не обойдется без тех же самых журналист, секретарш, парикмахерш, актрис, киоскерш и Бог весть каких женщин...

— **Наверное, так уж устроен человек, что ему, несмотря ни на что, нужно, иметь предмет обожания.**

— Недавно Родион показал мне девочку из класса, которая ему нравилась. Я был слегка ошарашен, потому что родители всегда думают, что их дети совсем еще дети. А тут первое проявление взрослости. Он на меня посмотрел и все понял: «Папа, ты не думай, ничего такого не будет». У меня отвалилась челюсть. Он на меня опять посмотрел и говорит: «Ты пойми, я же должен иметь предмет обожания». Мне это очень понравилось. Я вспомнил, что у меня первый предмет обожания появился еще раньше, чем у него, — в третьем классе. Я всячески старался проявлять к своему «предмету» знаки внимания: дергал за косички, бил портфелем по голове. Но так как это никаких ответных действий не вызывало, кроме

ответных ударов по голове сумкой с калошами или тапочками, то я написал своей возлюбленной письмо. Она показала его учителю. Учитель прочитал это письмо перед всем классом, и я в секунду разлюбил свой идеал.

Только свойства человеческой психики таковы, что плохое забывается, а хорошее остается в памяти. Это нас поддерживает. Я на всю жизнь запомнил девочку, с которой первый раз поцеловался...

— **Мы еще ни слова не сказали о творчестве, благодаря которому вы недавно стали заслуженным артистом России. Сочинение песен — это для вас упорный труд, итог пережитого, страданного или волшебное вдохновение?**

— Пожалуй, второе и третье одновременно. Только далеко не всегда выстраданное бывает пережитым в действительности. Образы и чувства нередко приходят ко мне откуда-то, может быть, из других моих жизней, может, из Космоса — это необъяснимо, — но они столь же остры, ощутимы и реальны, как и то, что я переживаю по-настоящему. Даже более остры и ощутимы. Какое-то время я нахожусь в этом удивительном, захватывающем, ни с чем не сравнимом состоянии. А потом беру гитару, и появляется песня.

— **Некоторые ваши песни люди старшего поколения считают своими. И любят вас за них не меньше, чем любят Олега Газманова молодежь.**

— Я очень благодарен всем, кого трогает мое творчество. Особенно пожилым. Мне несказанно дороги их улыбки, их слезы, их аплодисменты, их лица. Мы люди разных поколений, но, если во мне есть что-то, соединяющее наши души, я счастлив.

Интервью взяла
Елизавета АЛЬЯНОВА
Фото Сергея ТРИФОНОВА